

УДК 82.09

ИМЯ И ОБРАЗ А.С. ПУШКИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

© 2014 г.

И.В. Кудряшов

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

kiv.arz@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.04.2014

Исследуется литературная рецепция А.С. Пушкина в аспекте эволюции творческого сознания новокрестьянского поэта Н.А. Клюева. Мифологизация имени и образа великого поэта уступает место глубокому творческому восприятию пушкинского гения и его национального значения.

Ключевые слова: Клюев, образ Пушкина, пушкиниана, Кудряшов, новокрестьянская поэзия, литературная рецепция, мифологизация, традиция.

На ранних этапах поиска «себя в литературе» в отношении к личности и богатейшему творческому опыту великого поэта проявлялся оригинальный талант всякого художника слова, храня следы и значимо определяя дальнейшее направление его художественного и личностного развития. То или иное литературное имя в отечественном искусстве слова, рассмотренное сквозь «призму» пушкинского гения, всякий раз «распадается» на уникальный спектр характеристик, эксплицирующих грани его словотворческого таланта и, в конечном счёте, определяющих значение писателя в истории послепушкинской словесности.

Этико-эстетическое содержание образа Пушкина в художественных текстах его последователей напрямую соотнесено с глубиной творческого восприятия его ценностного наследия, как личностно-биографического, так и духовно-творческого. Величие художественно воссоздаваемого образа Пушкина определяет исключительно глубина творческого проникновения его близкого или дальнего последователя в неповторимый макромир гения отечественной словесности.

Этико-художественная преемственность традиций пушкинского периода, проявившаяся уже на начальном этапе творчества Н.А. Клюева [1], послужила основой «рождения» образа великого предшественника в художественном сознании новокрестьянского поэта. Впервые образ Пушкина находим в программном произведении Клюева «Где рай финифтяный и Сирин...», датированном между 1916 – 1918 годами. Это стихотворение – поэтический манифест пришедшего в мир литературы поэта, ясно видящего конечную цель предназначенного ему

пути, но томимого творческой жаждою, сеющей на мгновение сомнения в его душе. Смятение лирического героя-поэта отнюдь не говорит об утрате им веры в идеалы, а скорее, наоборот: незыблемость идеалов помогает ему преодолеть возникшее сомнение и укрепиться в правоте жизнетворческого пути. В сюжетной коллизии стихотворения имя и образ Пушкина занимают первостепенное значение в сравнении с другими поэтами: «яровчатым» Меем, Никитиным и «велесовым первенцем» Кольцовым, чьи имена лишь перечисляются в произведении в одном ряду. В первых двух строфах произведения в «финифтяном» раю Клюев рисует Пушкина, переполненным творческой одухотворенностью, подпитываемой народным словом: «Где рай финифтяный и Сирин / Поёт на ветке расписной, / Где Пушкин говором просвирен / Питает дух высокий свой...» [2, с. 340]. Образ Пушкина выделяет полнота и законченность. Клюев рисует подлинно великого поэта, чей высокий дух, обогащаемый «говором просвирен», и чьё немеркнущее вдохновенное творчество стало для лирического героя-поэта недосыгаемым образцом, приблизиться к которому он жаждет («Туда бреду я, ликом скрытен, / Под ношей варварских стихов»). Пушкинский гений в художественном сознании Клюева настолько велик, что даже в «финифтяном раю» царит его высокий творческий дух под сладкозвучное пение Сирина «на ветке расписной». Позиционируя себя в кульминационной точке развития лирического сюжета стихотворения «словопоклонником богомерзким», не знающим где «орлий путь», лирический герой во второй части произведения следует завету райской птицы Сирин – любить – и обретает уверенность, осе-

нённый лучами света «солнца русской поэзии» – пушкинского гения: *«Моя душа, как мох на кочке, / Пригрета пушкинской весной»* [2, с. 341].

В художественном сознании Клюева Пушкин – это поэт «предвечных сладостей», одно только соприкосновение с творчеством которого подобно райскому блаженству. Мифологическая птица Сири́н, обитающая в «финифтяном раю», в контексте клюевского стихотворения дополняет образ великого поэта. В средневековых русских легендах птица с головою девы обладала особенным даром завораживать слушателей, иногда лишая их рассудка своим вещим пением о грядущем блаженстве. Творческий гений Пушкина для Клюева сродни способностям птицы радости Сири́н и заключён в божественном даре великого поэта пророчествовать о грядущем Царстве Божи́ем на земле. Благодаря творческому восприятию Клюевым в том числе и пушкинской традиции, в его ранней лирике быстро разрастается и становится доминирующим в комплексе религиозных устойчивых смысловых элементов художественных текстов мотив ожидания грядущего Царства Божи́я [3]. Мифологизируя образ Пушкина, Клюев не только органично находит ему место в божественном пантеоне созданного мифомира, но и наделяет великого поэта всеми необходимыми атрибутами небожителя. Подобно древнегреческому Фебу, Пушкин у Клюева становится покровителем поэтов, сияющим в пантеоне небожителей гением и олицетворяющим «солнце русской поэзии», путеводные лучи которого освещают дорогу всякого русского поэта.

Мифологема «солнце русской поэзии», закрепившаяся за Пушкиным сразу после смерти поэта, окончательно сформировалась в конце XIX века, в связи с празднованием его 100-летнего юбилея, что, вне сомнений, оказало значительное влияние на поэтическую трактовку Пушкина новокрестьянским поэтом. В то же время заметим, что образ великого поэта у Клюева наделён легкоузнаваемыми сугубо пушкинскими чертами: сложный метафорический образ «кудряво-смуглого» луча света, под которым лирический герой-поэт в финале стихотворения обретает творческое воодушевление, придаёт облику А.С. Пушкина в контексте стихотворения не только бóльшую выразительность, но и формирует явственно ощутимое портретное сходство художественно воссоздаваемого «олонецким песнописцем» образа с реальной личностью великого поэта-предшественника, обладавшего от природы, как общеиз-

вестно, смуглым цветом лица и кудрявыми волосами.

В программном стихотворении «Се знамение: багряная корова...» (1917 или 1918) Клюев вновь обращается к имени Пушкина. Рисуя картину революционных октябрьских дней в духе начала Царства Божи́я на земле, несущего с собой прекращение вражды, всемирное братское единение в любви и воскрешение, крестьянский поэт уверенно декларирует неминуемое скорое примирение крестьянского и пролетарского направлений в поэзии под стягом с именем великого национального поэта. Уже на этом этапе творчества олонецкий поэт, вступая в творческий диалог с Пушкиным, идентифицирует себя и предельно точно определяет уникальность собственного поэтического слова, заключающуюся в великом предназначении вселять спасительную веру в Божественность Иисуса Христа и Его грядущее Царство на земле, открывая людям тайну промысла Всевышнего и находя следы Его чудесного присутствия в обыденной жизни.

В этот же период к имени Пушкина Клюев обращается и в своей публицистической статье «Самоцветная кровь» (1919). Проявляющийся в действе перенесения мощей художественный гений народа породил, по мнению олонецкого поэта, творческий взлёт лучших представителей национального искусства: Глинки и Римско-Корсакова – в музыке, Пушкина, Достоевского и Есенина – в литературе и Нестерова и Врубеля – в живописи. Выстроенный Клюевым в статье ряд имён писателей значим, главным образом, для уяснения ценностных prerogative самого автора публикации. Обращает внимание нарочито выделяющееся на фоне непрерываемого авторитета Пушкина и Достоевского имя современника, ещё не достигшего пика своего творчества, – Сергея Есенина, оценка которого, как общеизвестно, в этот период была далеко не однозначной со стороны литературной критики. Тем не менее, Клюев первым смог разглядеть в Есенине необыкновенную сущность его таланта, взращённого художественным гением народа, и по праву поставить его имя в статье в один ряд с Пушкиным и Достоевским, которые, по мнению олонецкого поэта, своим немеркнущим творчеством приоткрывают людям врата к «вечности и бессмертию». Проводимые Клюевым в статье «Самоцветная кровь» аналогии наводят читателя на мысль, что Пушкин, Достоевский и Есенин принадлежат к числу «виноградных людей», к народным гениям, к особому лику святых, так как в сознании «посвящённого от народа» олонецкого певца «бла-

женны, обладающие властью слова, которая не побеждается и гробом» [4, с. 143]. Всё это находит закономерное отражение в художественном творчестве поэта.

Тема осквернения национальной культуры, надругательства над святыми для всякого русского человека именами народных гениев: Пушкина, Толстого и Гоголя, обладающих властью бессмертного слова, получает дальнейшее развитие в стихотворении «Потёмки – поджарая кошка...» (1921 или 1922). К моменту создания произведения новокрестьянский поэт уже окончательно разочаровывается в революционных идеях, которые губительным образом отразились не только на традиционном укладе жизни крестьянской России, но и на её многовековой культуре. Ценностное наследие классиков литературы, Пушкина, Толстого и Гоголя – апологетов национальной духовности, попорно и осквернено «новыми хозяевами» жизни. Символ времени, запечатлённый поэтом в образе «выгребной арбы», везущей останки гениев великой литературы на свалку истории, потрясает читательское воображение, вызывая чувство невозможной утраты основополагающих духовных ценностей жизни и осознание гибели всего русского мира. Для придания бытийного масштаба происходящей в стране катастрофы Клюев использует образ останков великих классиков русской словесности: черепов Пушкина и Толстого и снов Гоголя. Ещё с античных времён человеческий череп служил символом смерти и бренности бытия, а сон предсказывал будущее. Это же основное значение несут образы-символы останков писателей и у Клюева. Однако в контексте стихотворения с учётом значения литературного имени они получают дополнительное смысловое наполнение, символизируя угасшие светочи прекрасных чувств и высоких мыслей Пушкина и Толстого и отброшенные грёзы о вдохновлённой Богом Руси Гоголя. Изящное искусство заменило «горбатое Слово» и «Покой» – у Клюева аллегории бездарностей, наводнивших отечественную литературу с приходом советской власти: «Плетётся по книжным ухабам / Годов выгребная арба. // В ней Пушкина череп, Толстого, / Отребьями Гоголя сны, / С Покоем горбатое Слово / Одрами в арбу впряжены» [2, с. 508].

В лирике Клюева второй половины 20-х и 30-х годов образ Пушкина дополняется новыми чертами, при этом в ряде случаев новокрестьянский поэт стремится не к непосредственному созданию цельного образа великого поэта за счёт детального его описания в том или ином сочинении, а к опосредованному, путём внесе-

ния в текст отдельных штрихов характеризующего плана. Так, в стихотворении «Милый друг из Святогорья...» (1926) строки «Вечер пушкинский «тот самый» / Облака плетёт из лент» не только отсылают память читателя к известному стихотворению Пушкина «Зимний вечер: (“Буря мглою небо кроет...”))», но и обозначают пушкинское присутствие в тексте, характеризуя влюблённость великого поэта в зимние вечера. Или ещё пример – стихотворение «Кто за что, а я за двоперстье...» (1928), в котором строки риторического вопроса с именем великого поэта «Разгадано ль русское безвестье / Пушкинской Золотую рыбкой?» не только указывают на непостижимую глубину русской жизни, непознанность её тайн, но и обозначают авторскую принадлежность «Сказки о рыбаке и рыбке» литератору Пушкину. В риторическом вопросе, ответ на который даёт сам Клюев, имя великого поэта употребляется и в стихотворении «Нерушимая стена» (1928): «Не в чулке ли нянином Пушкин / Обрёл певучий Кавказ?». Создавая образ Пушкина – певца Кавказа, Клюев подчёркивает, что вдохновенный пушкинский дар коренится в художественном гении народа, который, как общеизвестно, открыла поэту его няня Арина Родионовна. Художественно воспроецированный образ Пушкина в этом произведении наделяется Клюевым реалистическими фактами из биографии великого поэта.

Глубина творческого восприятия Клюевым в 30-е годы пушкинского литературного наследия и в целом личности великого поэта проявилась в «Письме художнику Анатолию Яру» (1932). В любовном послании к А.Н. Яр-Кравченко помимо того, что отчётливо слышны мотивы пушкинских «Фракийских элегий» (1836), свидетельствующие о преемственности новокрестьянским поэтом традиций великого предшественника, ещё и мастерски характеризующим штрихом обозначено присутствие образа Пушкина: Клюев указывает на особенность поэтической манеры великого поэта – свойственную «голосу» классика рифму «разлуки – руки», тем самым формируя представление об индивидуальной черте воссоздаваемого образа Пушкина, проявившейся в его художественном «слове».

В «Клеветниках искусства» (1932–1933) Клюев с негодованием обращается ко всем тем деятелям от литературы, кто, запрещая публикации произведений в печати, всячески пытается предать его имя литературному забвению. Гневный упрёк клеветникам искусства со стороны Клюева – это проявление мучительного страха за судьбу отечественной поэзии в целом. В этом смысловом аспекте стихотворения Пуш-

кин вместе с Кольцовым и Есениным позиционируются Клюевым в качестве образцовых поэтов, олицетворяющих расцвет подлинного искусства, и лучших представителей национальной поэзии, чей творческий гений стал достоянием отечественной культуры, подвергшейся смертельной опасности со стороны «хулителей искусства» – «нетопырей», впившихся в русского Пегаса. Цветущее поле, на фоне которого рисуются Клюевым образы русских поэтов Пушкина, Кольцова и «в венке из васильков» Есенина и которому угрожает опасность, символизирует расцвет русской поэзии, который в художественном сознании олонекского песнопisca неразрывно связан с именами этих трёх выдающихся представителей отечественной словесности.

Таким образом, рецепция А.С. Пушкина в художественном сознании Николая Клюева претерпела значительную эволюцию: на смену характерной для раннего периода творчества

новокрестьянского поэта нарочитой мифологизации Пушкина, пресыщенной символикой, в поздний период творчества олонекского песнопisca приходит глубокое осмысление реальной личности русского гения и его колоссального значения для национальной литературы.

Список литературы

1. Кудряшов И.В., Клевачкина О.А. Эстетические принципы раннего творчества Н.А. Клюева: сборник «Сосен перезвон» // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (1). С. 341–345.
2. Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РГХИ, 1999. 1072 с.
3. Кудряшов И.В., Пяткин С.Н. О доминирующем религиозном мотиве ранней лирики Николая Клюева // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 79–83.
4. Клюев Н.А. Словесное Древо. Проза. СПб.: Росток, 2003. 688 с.

THE NAME AND IMAGE OF A. S. PUSHKIN IN NIKOLAY KLYUEV'S CREATIVE CONSCIOUSNESS

I.V. Kudryashov

This article presents the analysis of literary reception of A.S. Pushkin in the aspect of creative consciousness evaluation of N.A. Klyuev, a new peasant poet. The mythologization of a name and image of the great poet gives way to deep creative perception of the Pushkin genius and his national value.

Keywords: Klyuev, the image of Pushkin, Pushkiniana, Kudryashov, new peasant poetry, literary reception, mythologization, tradition

References

1. Kudryashov I.V., Klevachkina O.A. Etiko-esteticheskie printsipy rannego tvorchestva N.A. Klyueva: sbornik «Sosen perezhvon» // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2012. № 6 (1). S. 341–345.
2. Klyuev N.A. Serdtse Edinoroga. Stikhotvoreniya i poemy. SPb.: RGKhI, 1999. 1072 s.
3. Kudryashov I.V., Pyatkin S.N. O domini-ruyushchem religioznom motive ranney liriki Nikolaya Klyueva // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2012. № 6 (37). S. 79–83.
4. Klyuev N.A. Slovesnoe Drevo. Proza. SPb.: Rostok, 2003. 688 s.